Ал. Молчанов

ПРОРЫВ

ШТУРМ ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Советский писатель • 1941

Ал. Молчанов

ПРОРЫВ

ШТУРМ
ЛИНИИ
МАННЕРГЕЙМА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Ленинград
1941

ПРОРЫВ

Ой, как шли по снежным перекатам,
На знаменах развевался алый шелк.
Запевай про двести сорок пятый,
Никогда не отступавший полк!

Стороной угрюмой и овражной
Пробирались утром ранним сквозь туман,
Вел вперед нас Кравченко отважный,
Боевой, любимый капитан.

Заметала снежная поземка
Боевые наши тропочки кругом.
Трое суток жили мы в воронках
Под сыпучим снегом и песком.

И тогда, открыв огонь жестокий,
Чтобы враг в своих засадах замолчал,
Нам в беде стремительный Сорока
Боевую помощь оказал.

Шаг за шагом поднимались с боем
По вершине перекрытой и крутой,
И родное знамя полковое
Смелый Жуков взвил над высотой.

Ой, цвети ты, край озер широких,
Над тобой зажглась счастливая звезда!
Про тебя, любимый наш Сорока,
Не умолкнет песня никогда.

Отгремел огонь в лесах зеленых,
Отшумела над дорогами пурга,
Проходили в Выборг батальоны
Двести сорок пятого полка.

Ал. Чуркин

Родилась эта боевая песня в суровые январские и февральские дни 1940 года, когда героические полки Красной армии штурмовали железобетонные крепости линии Маннергейма.

О славном боевом пути орденоносного полка и будет рассказано ниже. Все эпизоды записаны со слов участников боев: лейтенанта-орденоносца А. С. Ждан-Пушкина, политрука-орденоносца П. И. Матюшина, младшего лейтенанта-орденоносца В. В. Шеронова, красноармейца-орденоносца М. В. Федорова, политрука-орденоносца П. А. Шабанова, младшего командира-орденоносца С. П. Румянцева и Героев Советского Союза: младшего лейтенанта И. И. Плешакова и капитана И. Я. Кравченко.

1. Боевое крещение полка. Антерола — высота 65,5. Первые дни перед укреплениями линии Маннергейма

(По рассказу А. С. Ждан-Пушкина, лейтенанта-орденоносца)

Полк наш молодой, до войны с белофиннами о нем никто не слыхал. Да его вовсе и не было. Родился он накануне войны. Еще за три месяца до начала военных действий люди, составившие потом наш полк, спокойно работали на широких колхозных полях Калининской области, на фабриках и заводах Костромы, Иванова, Переяславля, Вышнего Волочка. Родина призвала нас, и мы стали под ружье.

Первые дни войны мы шли во втором эшелоне. Границу мы перешли по наведенному саперами мосту. В Куоккала нас уже встретили вражеские бомбардировщики. Авиабомбы подняли близ станции огромные столбы огня. Мы открыли ответный огонь, а вскоре небо заняли наши ястребки. Тут мы впервые увидели доблестную работу сталинских соколов, обративших врага в бегство и сбивших затем его черные самолеты.

Шесть дней шли мы во втором эшелоне, наводя разрушенные белофиннами мосты, исправляли дороги, расчищали пути для подвоза боеприпасов.

7 декабря днем полк вышел на передовые позиции близ деревни Антерола. Угрюмовцы, которых мы сменяли на отдых, сказали нам:

— Не сдавать, товарищи! Бить врага без отдачи, по-сталински!

— Не сдадим! — коротко ответили мы.

Дорога шла лесом. По сторонам стояли матерые сосны и стройные березы, схваченные инеем. Вскоре лес кончился, и перед нами открылась расположенная на возвышенности деревня Антерола. Слева от нее лежало открытое, поросшее кустарником болото, справа — озеро. С фронта дорога подходила к деревне по голой лощине.

Группа бойцов головной исходной заставы была уже метрах в пятидесяти от деревни, когда враг неожиданно открыл огонь. Залегли в канаве.

Пули звенели в воздухе, бугорками взметывали снег, кто-то из артиллеристов вскрикнул. Упала и забилась в агонии лошадь.

— С передков, к бою! — раздалась команда младшего лейтенанта, ныне Героя Советского Союза, И. И. Плешкова, командовавшего взводом полковой артиллерии.

Артиллеристы мигом развернули орудия, и пушки полоснули по врагу. Враг замолчал, но не надолго. Заговорили его огневые точки, расположенные в лесу близ деревни.

— Не теряться! Огонь! — командовал Плешков.

Снаряды метко ложились в расположении огневых точек врага. Противник открыл ответный артиллерийский огонь. В четырех-пяти метрах от орудий нашей батареи падали снаряды, комьями земли и грязи забрасывало батарею. Это была артиллерийская подготовка к атаке, но наши артиллеристы сохраняли полное спокойствие и уверенность в себе, зная, что встретят атакующего врага ливнем шрапнели, будут расстреливать его в упор.

Так и вышло. Смолкли орудия противника. Из леса на полянке показалась пехота. Тогда по белофиннам ударили орудия батареи Плешкова. Немногим из наступавших белофиннов удалось откатиться обратно, большинство полегло на полянке. У нас был ранен в голову Плешков, но доблестный командир не покинул своей батареи. Между тем, атака возобновилась, и до полной темноты наши

артиллеристы-противотанкисты отбивали натиск противника.

Наступила ночь. Враг поджег огромные поленницы дров, чтобы осветить местность и этим помешать продвижению нашего полка. Тем временем к головной походной заставе подошли второй и третий батальоны и приданная к полку артиллерия. За ночь были установлены на позициях тяжелые пушки. Пехота заняла исходные рубежи на широкой равнине перед лесом, который предстояло занять.

Ночь прошла в томительном ожидании. Трудно было уснуть. От сильного возбуждения даже не чувствовалось усталости. Тарахтели танкетки, подвозя на передовые позиции тяжелые орудия. Водитель одной из обозных машин включил фары, и тотчас в лесу зазвенели вражеские пули, а через несколько минут неприятель стал обстреливать из орудий дорогу. Наши не отвечали. Мы ждали рассвета.

И вот рассвет наступил. В воздух взвилась ракета, и командир полка, капитан Фочкин, отдал приказ к наступлению.

— За родину! За Сталина! Вперед! — крикнули командиры стрелковых подразделений.

Бойцы, перебегая от канавы к канаве, используя все неровности местности, двинулись вперед. Противник открыл яростный ружейный и пулеметный огонь. Бойцы залегли. Тогда в дело вступила наша артиллерия. Скашиваемый огнем артиллерии лес стал редеть, показалась скрытая позади него деревня. Разведка донесла, что там укрепился противник. Дивизион старшего лейтенанта Яцкова открыл по деревне уничтожающий огонь. Как спичечные коробки, разлетались дома. Земля, стены домов, деревья, вырванные с корнем, огромные камни — все смешалось в огненных столбах разрывов.

Наблюдая за передним краем обороны противника, расположенным в лесу, командир артиллерийского полка майор Степанов заметил несколько вражеских дерево-земляных укреплений, из которых белофинны и вели обстрел наших позиций. Это были первые дзоты, которые мы встретили в

бою. И вот один за другим в сердце врага пролетели тяжелые снаряды.

Когда смолкли наши орудия, роты выгнулись на равнине огромной дугой и безудержно двинулись вперед. Восьмая рота близко, на десяток метров подошла к неприятельским позициям. Тогда командир роты лейтенант Заборинский, поднявшись во весь рост, воскликнул:

— За партию! За дело великого Сталина!

И свалился, сраженный пулей. Но бойцы уже достигли окопа, на опушке леса прокатилось могучее „ура", враг дрогнул и побежал.

Командир третьего батальона старший лейтенант Жгут стал преследовать отступавшего врага. Тщетно шюцкоровцы пытались закрепиться за камнями, буграми, в густой чаще леса — восемь километров гнали красные бойцы белофиннов.

Лес кончился, перед бойцами — деревня Варпулила. Никаких признаков жизни в деревне не было заметно, хотя разведка прошла ее вдоль и поперек. Тогда батальон вошел в деревню.

И вот тут-то оказалось, что враг приготовил нам ловушку. Белофинны засели в подвалах и на чердаках, и как только наши бойцы очутились в центре деревни — со всех сторон застрочили пулеметы и автоматы.

Бойцы залегли и окопались.

Ночью, под покровом темноты, переползая от дома к дому, батальон оставил деревню и окопался неподалеку в поле. Белофинны начали поджигать дома. Заполыхало огромное пожарище, в отсветах которого наша пехота была видна врагу. Засев в подготовленных заранее траншеях и в канавах между горевшими домами, белофинны стали обстреливать наши части. Тут на помощь бойцам снова подоспели наши артиллеристы и стали бить по горевшим домам, чтобы забросать белофиннов в траншеях и канавах горящими головешками.

Обжигаемый искрами, противник заметался среди горевших домов. От одного из домов отделилась значительная

группа шюцкоровцев и метнулась в лес, но наши пулеметчики дали по ней очередь и начисто смели.

Золотисто-белые искры все взлетали и взлетали в небо. Вся деревня вскоре представляла собой огромный пылающий костер. Враг подготовил нам ловушку, но попал в нее сам. Только небольшая горстка белофиннов прорвалась, но красные бойцы настигли убегавших. К рассвету были заняты деревни Мелола, Синрола, Иванила. Враг не успел поджечь эти деревни.

Вечером 10 декабря полк получил новое боевое задание — переправиться через озеро Каюк-ярви, занять Бобошино на шоссе Териоки — Выборг и двинуться влево от Бобошина по лесной дороге, соединяющей это большое село со станцией Кямяря.

Бобошино пылало. Мы заняли его и с боем вышли на наше новое направление. Снова лес, густой, непроходимый. Засады следовали за засадами, ловушки за ловушками. Но мы уже были крещены огнем, и нас ничто не страшило.

Сбив боевое охранение врага, засевшее в землянках за противотанковым рвом на возвышенности 54,4, полк вышел на северную опушку рощи Зуб. Впереди лежала широкая, километра в полтора, голая лощина, покрытая местами кустарником. С севера лощину замыкала высота 65,5. Далеко за гребнем высоты темнела роща Фигурная. Справа от высоты к лощине подходила вторая роща, обозначенная на карте в виде молотка. Ее так и назвали роща Молоток. Слева от высоты тянулось низкое, топкое болото, замыкавшееся с севера узкой, протянувшейся почти на километр высотой Язык. Такое же низкое, топкое и незамерзающее даже зимой болото — Манасуо — подходило с востока к роще Молоток. Таким образом, наш путь лежал через высоту 65,5, так как только здесь, на этом узком участке между болотами, местность позволяла продвинуть вперед артиллерию, танки и обозы.

Высота 65,5, высота Язык, роща Молоток казались в тот день почти мирными. Серебристо искрился снег, стройные сосны, колоннами уходившие вдаль, березы, убранные инеем,

все, даже плетение колючей проволоки на подступах к высоте по всему фронту от восточного края рощи Молоток до высоты Язык, походившее на кружево, растянутое на кольях, имело мирный вид. Мирно торчали из земли перед проволочным заграждением и надолбы — широкий пояс гранитных валунов, тянувшихся по всему фронту. Ни дотов, ни дзотов, ни железобетонной стены, за которой укрывались минометы и артиллерия врага, ни траншей, ни ходов сообщения в полосе этого укрепленного района, — ничего не было видно. Все было скрыто глубоко в земле, дьявольски замаскировано и заснежено.

В полдень один из батальонов соседнего полка, занимавший позиции справа, начал наступление. Подразделения стали продвигаться вперед короткими перебежками. Часть бойцов почему-то не смогла подняться с места. Оказалось, вся лощина увита колючей проволокой на маленьких металлических кольях. Падая в снег сразбега, бойцы застревали в проволоке как в паутине. Вскоре, преодолев проволоку, бойцы достигли надолб, — тогда заговорили пулеметы и автоматы врага. Батальон залег, стал отползать. На помощь бросился первый батальон нашего полка. Противник стрелял из-за надолб. Позиция у него была прекрасная, без танков и артиллерии выбить белофиннов из-за больших гранитных валунов оказалось невозможным. Откатился и наш батальон.

Система укреплений, расположенных перед нами, оставалась для нас темной. Доты и дзоты, которые были на высоте 65,5, молчали. Молчала и роща Молоток. Молчала высота Язык. Выходило, что как будто перед нами — только надолбы да пулеметные точки врага за надолбами.

Командование полка, прежде чем провести общее наступление, решило уничтожить заснеженные, малозаметные препятствия в лощине и подавить огневые точки в надолбах. Выполнение этой задачи было возложено на вторую роту первого батальона. Роте были приданы два танка.

С утра 14 декабря рота приступила к выполнению задачи. Взводы рассыпались по лощине, поползли. Бойцы ре-

ели проволоку, делали в ней проходы. Враг открыл из-за надолб бешеный огонь. Отделение младшего командира Бурмагина вырвалось вперед. Вот оно уже в нескольких десятках метров от надолб. Бурмагин отчетливо видел огневые точки и засекал их, а станковые пулеметы отделения переносили на них огонь. От валунов отлетали большие куски. Бурмагин отполз к танкам и передал цель танкистам, и те стали бить прямой наводкой по огневым точкам неприятеля. Одно за другим замирали неприятельские гнезда. Тогда, уже у самых надолб, начали рваться мины, преграждая нашим **бойцам путь. Рота отошла.**

На другой день мы провели еще одну частную атаку на высоту 65,5. Все меньше и меньше огневых точек оставалось в надолбах. Наконец, они смолкли совсем. Наши минометчики и артиллеристы-противотанкисты, обстреливая валуны с прямой наводки, окончательно выкурили оттуда противника. Но и на этот раз, укрытые глубоко в земле, **доты и дзоты молчали.**

На 17 декабря было назначено общее наступление. Под прикрытием темной ночи артиллеристы приданных к полку артдивизионов оборудовали на склонах высоты у рощи Зуб огневые позиции. Сюда же подошли и танки. Здесь же расположились и батальоны пехоты. Впереди поползли саперы **взвода младшего лейтенанта Некрасова.**

Предстояло подорвать надолбы, чтобы пропустить на высоту танки. Саперы уже не однажды бывали в деле, не однажды уничтожали противотанковые препятствия, и задание подорвать надолбы в неразведанной полосе укреплений врага их не смутило. Они поползли вперед, таща **за собой мешки со взрывчатым веществом.**

Уже светало, когда десятки взрывов, последовавших один за другим, встряхнули лощину. Над надолбами взвились огромные столбы черного дыма. Возвратившиеся вскоре саперы доложили, что надолбы подорваны, устроен широкий проход и танки могут пройти беспрепятственно.

Полк приготовился к атаке. Утро выдалось мягкое. Покрытое темной облачностью, небо низко висело над зем-

ня. Ветер рассеял облака, снег в лощине заискрился.

Майор Степанов отдал приказ артдивизиону открыть огонь. Разрывая воздух, с гулом и свистом понеслись на высоту 65,5, в рощу Молоток и на высоту Язык наши тяжелые снаряды.

Под прикрытием артиллерийского огня танки вышли на передовую позицию на опушке леса. Вел танки полковник Владимир Кацуба, ныне Герой Советского Союза, генерал-майор танковых войск. Осколки снарядов падали в снег близ танков, иные даже ударяли в танковые башни. Полковник Кацуба остановил машины. Открыв люк, поднялся на танке, чтобы подбодрить пехоту на стремительный рывок за танками:

— Не отставать, товарищи! Двигаться вплотную за боевыми машинами! Докажем белофиннам, что для нас, воинов страны социализма, нет преград. Все сломим, все пройдем! Смело вперед! За нашего Сталина, за нашу родную землю!

Как только смолкли наши пушки, могучее „ура" загремело в роще Зуб. Батальоны ринулись в атаку. Танки вырвались вперед и, взвихривая снег, стремительно полетели по лощине.

И вот тут-то враг заговорил — яростно, остервенело. Шквал артиллерийского и минометного огня белофиннов остановил бойцов. Лощина окрасилась мутнобагровыми вспышками разрывов мин и снарядов. Танки попали под ураганный артиллерийский обстрел и с высоты 65,5, и из рощи Молоток, и с высоты Язык. Подбитые танки застревали в воронках, другие, разворачиваясь на полном ходу, ныряя в воронках, преодолевая каменные глыбы в проломах надолб, неслись вперед. Вот уже несколько машин прошло через надолбы. Передняя из них скрылась на мгновение в какой-то глубокой яме, оказавшейся траншеей, и с грохотом вырвалась на высоту. За этой машиной вырвались на высоту еще три танка.

Враг усилил огонь. Разрывы снарядов загрохотали близ танков. Пули взбугривали снег в лощине. Увлекаемые пол-

ковником Кащубой, бойцы преодолели препятствия и очутились за надолбами, у высокого вала накольных проволочных заграждений. Командир пулеметной роты лейтенант Лапшин стал устанавливать станковые пулеметы, чтобы дать возможность саперам перерезать проволоку. Танки также начали обстрел вражеских позиций. Белофинны приводили в действие все новые и новые огневые точки: пулеметы, минометы, артиллерию. Все шире и шире разрастался пояс разрывов снарядов и мин. Повис на проволоке пробитый тремя пулями лейтенант Лапшин. Упал, тяжело раненный, командир третьего батальона капитан Третьяков. И снова в гуле и грохоте боя зазвучал голос бесстрашного Кащубы:

— Вперед, товарищи! Не отставать! За Родину! За дело великого Сталина!

Бойцы первого батальона ворвались в глубокие траншеи на высоте Язык. Другие подразделения полка подошли к глубокому противотанковому рву, прикрывавшему подступы к роще Молоток. Несколько стрелковых подразделений преодолели проволоку и поползли на высоту 65,5. Казалось, успех полный. Еще рывок, еще одно усилие — и мы овладеем высотой.

Громовое „ура“ огласило лощину. Бойцы поднялись, ринулись на приступ. И вот тут-то враг и привел в действие всю систему огневых точек укрепленного района. Не было буквально метра земли, который не подвергался бы обстрелу. Бойцы глубоко зарылись в снег. Фронт остановился. Двигаться вперед было невозможно. Все пространство лощины, от восточного края рощи Молоток до западных скатов высоты Язык, было залито огнем. Земля вздрагивала под разрывами мощных снарядов, дым ходил по лощине волнами. Один из снарядов разорвался близ танка, которым командовал Кащуба, и полковник упал, тяжело раненный. Боевые друзья подхватили своего любимого командира и увезли его с поля боя. Танки стали откатываться с высоты, прикрывая отступление пехоты.

И, как только мы отошли, как только смолкли последние выстрелы с той и другой стороны, над огромными

заснеженными пространствами вдруг зазвучала музыка. Проиграв какой-то бравурный марш, белофинны решили использовать свою радиоустановку с агитационной целью. Музыка прекратилась, и диктор-белофинн обратился к нам на чистом русском языке:

— Москали! Не суйтесь! Дальше вы не пройдете! А пройдете—тут будет ваша гибель!

Так белофинны были уверены в непроходимости прославленной линии Маннергейма.

2. Разведка вражеского укрепленного района

(По материалам разведывательных подразделений дивизии)

Стало ясно: укрепленный район врага с налета не возьмешь. Необходимо было прежде всего выявить скрытые где-то глубоко в земле и невидимые нам крепости врага. Началась разведка укрепленного района.

В разведке приняли участие все роды войск: стрелки, саперы, танкисты, артиллеристы. Весь передний край обороны противника был разбит на отдельные сектора наблюдения. Подразделения выдвинули далеко вперед свои наблюдательные пункты. Круглосуточно, не отрываясь от прибора, разглядывали наблюдатели-разведчики каждый свой участок. С наступлением темноты разведчики пробирались вглубь вражеского укрепленного района. Опасность поджидала их на каждом шагу. Одни неожиданно проваливались в глубокие и хорошо замаскированные траншеи и хода сообщения между скрытыми в земле крепостями. Другие натыкались на станковые пулеметы, расположенные в траншеях за бронированными плитами. Третьи — на огневые позиции минометов.

Особенно зорко следили разведчики и наблюдатели за высотой 65,5. Никакого движения на высоте не было заметно. У подножия высоты чернели наши подбитые танки. У нас сложилось впечатление, что высота необитаема, что

враг притаился где-то за высотой и в сосняке рощи Молоток. Но вот однажды лейтенант Музыкин, наблюдавший за высотой непрерывно трое суток, заметил: снег на склоне высоты словно шевелится, ползет. Высота как бы покрылась рябью. К вечеру это снова повторилось. Ясно было, что это переползали по высоте в маскировочных халатах белофинны. Музыкин затем установил, что, приползая на высоту, белофинны теряются где-то в земле.

Обнаружили наблюдатели и разведчики движение врага и в роще Молоток, и на склонах высоты Язык. Так же, как и на высоте 65,5, белофинны и здесь словно проваливались в землю. Обнаружить, однако, их подземные крепости долго не удавалось. Враг мешал действиям разведчиков. С дьявольской методичностью простреливалась вся лощина. Все новые и новые огневые точки врага вступали в дело.

Первым разведал вражеский дот, укрытый в земле, артиллерист разведчик, ныне Герой Советского Союза В. Кириллов. Командование поручило ему проникнуть ночью с группой разведчиков в оставленный белофиннами блиндаж и выследить расположение засеченных наблюдателями огневых точек врага. Кириллов отобрал десять смелых и сильных бойцов, и под покровом темноты разведчики пробрались в блиндаж. Однако темнота скрывала врага, и никаких огневых точек не удалось заметить.

Кириллов решил проникнуть глубже. Разведчики поползли вперед. Плетение колючей проволоки преградило им путь. Надо было порезать ее, и разведчики принялись за дело. Но только дотронулись они до проволоки, как со всех сторон посыпались на них пули. Оказалось, проволочное заграждение имело систему тайной сигнализации. Разведчики отползли, стали прислушиваться. Стреляли с двух сторон — из-за проволоки и слева из леса. Звуки выстрелов из-за проволоки были глухими, а звуки выстрелов слева отрывистыми, резкими. Сметливый Кириллов догадался по этим звукам, что слева стреляют из открытых позиций, а справа — из дота.

Однако это надо было проверить. Скрадывая шорохи,

разведчики поползли влево, откуда слышались резкие, отрывистые выстрелы. Стрельба вскоре прекратилась, белофинны, видимо, решили, что разведчики отошли. Между тем, метр за метром преодолевали разведчики поляну, пока наконец не подползли вплотную к траншее. В траншее было много белофиннов, они разговаривали, курили. Разведчики видели огоньки папирос.

Вдруг белофинны всполошились и открыли беспорядочную стрельбу. По вспышкам выстрелов разведчики определили, что траншея вела к тому месту, откуда они и слышали до этого глухую стрельбу. В небе вспыхнула ракета, при свете которой стал виден невдалеке невысокий, искусно заснеженный холм, с узкими отверстиями в нем амбразурами подземной крепости. Приказав разведчикам отходить, Кириллов еще долго лежал в снегу, в нескольких десятках метров от врага.

Белофинны, обнаружив отползавших разведчиков, усилили огонь. Заговорили станковые пулеметы, расположенные в траншее. Примерно, на одной сотне метров Кириллов насчитал пять пулеметов и до двадцати стрелков-автоматчиков. В резкой трескотне пулеметов Кириллов различил заглушенный амбразурами говор вражеской крепости. Так был обнаружен первый дот.

С этого дня еще внимательнее и пристальнее приглядывались разведчики к каждому бугру, каждому заснеженному холмику в полосе укрепленного района. Вскоре были нанесены на карту доты и дзоты, расположенные в сосняке роще Молоток. Только на высоте 65,5 долго не удавалось обнаружить вражескую крепость. Разведчики не раз пытались проникнуть на северные склоны высоты, чтобы оттуда точнее выследить ходы сообщения, ведущие к подземным логовищам врага, но попытки ни к чему не приводили. Среди саперов-разведчиков особенно выделялись лейтенант Шитов и красноармеец Гришаков. Оба комсомольцы, они всегда были впереди Однажды Гришаков попросил разрешения у лейтенанта Шитова пробраться на высоту 65,5 и пролежать на ней день, чтобы выследить противника

— А если убьют?— спросил Шитов.

— Все может быть, — ответил боец. — Во всяком случае, легко не дамся. Возможно, враг и не обнаружит меня.

— Вместе пойдем, товарищ Гришаков, — ответил Шитов, и, вооружившись гранатами, разведчики поползли по темной лощине.

Вскоре они были уже за надолбами. До северных склонов высоты оставалось всего каких-нибудь двести метров.

Два часа ползли разведчики в глубоком снегу, чтобы одолеть это небольшое расстояние. Неожиданно перед ними открылась глубокая траншея. Разведчики осторожно спустились в траншею и двинулись к высоте. Траншея петляла, местами зарывалась вглубь, пока наконец не превратилась в туннель, уходящий в глубь земли. Идти вперед было рискованно: белофинны могли обнаружить их в любое мгновение и выбраться из траншеи было бы уже невозможно. Лейтенант Шитов пожал руку товарищу, сказал:

— Мы близко у цели. Надо непременно узнать, куда ведет эта дорога.— И они двинулись снова вперед.

Вскоре они наткнулись в темноте на железную дверь, прикрывавшую вход в дот. Остановились у двери, прислушались. Где-то глубоко в земле гудели голоса, слышалась музыка. Долго стояли разведчики не шевелясь, прислушиваясь, стараясь определить размеры крепости и количество укрывшихся в ней белофиннов.

Какой-то подозрительный шорох за дверью заставил их насторожиться. Взялись за гранаты и тихо стали отходить. Все сошло благополучно, и разведчики доставили командованию важные данные о высоте.

В один из дней, когда производилась разведка флангом и наши артиллеристы бросали снаряд за снарядом в рощу Молоток, отвлекая внимание противника от действий разведки, командир отделения Парменов залез на высоте Язык, в глубине укрепленного района. Противник энергично отвечал на действия нашей артиллерии. Воздух со свистом резали мины. С гулом проносились мимо снаряды, беспрестанно

повизгивали пули над головой. Парменов, все глубже и глубже зарываясь в снег, докопался до земли.

Неожиданно он ощутил под собой какие-то толчки, насторожился. Земля протяжно гудела, а через короткие промежутки вздрагивала от какого-то мощного удара изнутри. Парменов сообразил: здесь в земле гнездятся пушки. Артиллерийское сооружение. Дот!

Сердце разведчика учащенно забилось: так вот оно, как укрыты доты!

Спустилась ночь. Артиллерийская стрельба все еще продолжалась. Роща Молоток освещалась красноватыми столбами разрывов. Еще явственнее ощутил Парменов толчки под собою, гул земли протяжный, певучий гул. Так может гудеть только бетон.

Прежде чем ползти домой, Парменов еще с полчаса наблюдал в темноте за возвышенностью, на которой лежал, прикинул ее размеры, запомнил опознавательные знаки, пень и елочку, возле которых провел день, и, стараясь не произвести ни малейшего шума, спустился с возвышенности.

Часов в одиннадцать ночи Парменов раскрасневшийся, потный, отряхиваясь от снега, вошел на командный пункт разведроты. Доложил. Мы обняли нашего замечательного бойца-разведчика.

На другой день, как только взошло солнце, наблюдатели поймали на экране стереотруб опознавательные знаки, пень и елочку. Артиллерия открыла по возвышенности Язык сокрушительный огонь.

Снаряды ложились точно в цель. Вся возвышенность опоясалась столбами разрывов. В воздух взлетали камни, земля. На сотню метров почернел снег. С каждым разрывом снарядов все ниже и ниже становилась возвышенность, и к вечеру на другой день показался из земли стальной купол дота. Еще три дня разрывали артиллеристы высоту Язык, и наконец железобетонное артиллерийское сооружение врага предстало перед нами. Это была мощная, на шестьдесят метров в длину, с тремя стальными наблюдательными башнями крепость.

Раскинывали артиллеристы и другие доты, также укрытые глубоко в земле. Сносилась высота 65,5, сносились холмы в глубине обороны врага, сносились и подозрительные возвышенности среди высокого сосняка рощи Молоток. С каждым днем все больше и больше обнажались потаенные укрепления врага. Вот явственно выступили из развороченной земли серые квадраты дота на высоте 65,5. Вот уже видны и черные стальные плиты, вделанные в бетон на передних стенах крепостей, вот открылись и длинные щели амбразур — и дот обнажен, вырыт из земли. Так были обнажены и многие другие доты.

Теперь это уже были не скрытые огневые точки, расположение неизвестно где и разившие огнем с невидимых позиций. Теперь это были открытые огневые точки. Они даже получили свои названия. Железобетонная артиллерийская крепость на высоте Язык стала именоваться дот 0 011, две железобетонных крепости на высоте 65,5 соединенных между собой подземной траншеей — дот 0 06, или центральный дот. Доты в роще Молоток получили номера 0 018 и 0 021. Получили номера и многие дерево-земляные сооружения врага, также оснащенные пушками и пулеметами.

Но это было еще не все. Густая сеть дотов и дзотов, расположенных по переднему краю обороны, несомненно прикрывалась огнем второй линии обороны, но где находились огневые позиции второй линии — узнать было нелегко. Финны уже не вели себя так беспечно, как в первые дни. Не разносили больше громкоговорители их бравурной музыки. Вырытые из земли доты злобно щерились огнем. Не один раз пытались наши разведчики проникнуть в рощу Фигурную, чтобы разведать вторую полосу обороны, но это им не удавалось. Чтобы полностью выявить картину всей огневой мощи укрепленного района, требовалось достать „языка".

Эту трудную задачу выполнили разведчики другого полка нашей дивизии. Лейтенант Никиенко и политрук Виноградов однажды вечером незаметно пробрались на наблюдательный пункт, расположенный в лощине.

Лейтенант Никиенко заметил в стереотрубе у опушки леса какую-то черную полоску. Приглядевшись, он понял, что это финский окоп. „Языка“ решили захватить в этом месте. Вряд ли белофинны оставляли окоп на ночь без сторожевого охранения.

Возвратившись в землянку, лейтенант Никиенко и политрук Виноградов спросили у бойцов, кто хочет пойти с ними на поимку „языка“. Поимка „языка“ — дело, безусловно, крайне рискованное, но желающих было много.

Никиенко отобрал пять товарищей.

Отважные разведчики вышли. Отвлекая внимание белофиннов, взвод начал инсценировать на левом фланге наступление. Затрещали пулеметы, винтовки. Разведчики в это время продвигались вперед, достигли проволочного заграждения, сделали в нем проход и залегли в глубокой воронке, невдалеке от окопа, который наметил лейтенант Никиенко.

Лежали долго, чутко прислушиваясь к малейшему шороху. В лесу было тихо. Тихо было и в окопе. Бойцы Морозов и Мельников попросили у лейтенанта разрешения разведать окоп: может быть, он в самом деле оставлен? Поползли вперед. Вдруг над бруствером окопа задвигалась черная точка. Бойцы подползли еще ближе и увидели здоровенного, плечистого белофинна. Морозов стремительно бросился на него и повалил в снег. Мельников приставил к груди врага штык. Все произошло так быстро, что белофинн не успел опомниться. Ему зажали рот, скрутили руки и потащили за собой. Пленный оказался старшим унтер-офицером и дал ценные показания.

Командование поставило задачу перед разведчиками — забраться в подбитые танки на высоте 65,5, просидеть в них сколько нужно, хотя бы даже целый день, но разглядеть все то, что еще не было выявлено в полной мере.

Выполнение этой трудной задачи взяли на себя лейтенанты Щепилин и Котов.

Стояла глухая ночь, мела пурга. В трех шагах ничего нельзя было разглядеть. Осторожно двигались вперед коман-

ры-разведчики, таща за собой телефонный кабель. Часто останавливались, приступивались. Путь в один километр занял больше двух часов. С трудом забрались в брошенный танк, теснота в танке страшная, повернуться негде. С трудом установили телефон и стали терпеливо дожидаться рассвета.

И вдруг случилось такое, чего никак не ожидали разведчики: ни с того, ни с сего свалилась с грохотом сломанная крышка люка. Белофинны тотчас открыли по танку огонь. Разведчики притаились.

Выстрелы прекратились. Надо было ожидать, что враг попытается приблизиться к танку. Не прошло и минуты, как разведчики, действительно, услышали шаги по левую сторону танка. Белофиннов было двое. Лейтенант Щепилин громко крикнул:

— Стой! Что пропуск?

Белофинны тотчас залегли, притаились, потом стали заползать за танк. Очевидно, они решили, что перед ними один только человек, который прячется за машиной.

Когда враги подползли к танку, Котов бросил подряд три гранаты.

Начало светать. Белофинны сделали попытку пробраться к танку целой группой. Котов тотчас передал об этом по телефону на командный пункт полка, и артиллеристы дали по врагу несколько залпов. Белофинны больше уже не выходили.

Весь день, с утра и до самого вечера, следили за каждым шагом врага командиры-разведчики. Все вражеские укрепления были видны как на ладони. Казематы центрального дота 006 стояли совсем рядом. От дота ручейками разбегались вглубь укрепрайона траншеи и ходы сообщения. Вот центральная траншея—она тянется вдоль фронта от реки Молоток через высоту 65,5 и связывает высоту с грозным артиллерийским дотом на высоте Язык. Вот зигзагообразная траншея, соединяющая центральный дот с глубинными опорными пунктами обороны. В некоторых местах ее перерубают мощные блиндажи с накатами из дерева и гранита.

В глубине за высотой 65,5 видна огромная железобетонная стена с выступающим вперед острым носом, словно корпус корабля-гиганта. Вот насыпь необычайно широкого противотанкового рва на подступах к роще Фигурной.

Всю систему укреплений противотанковых и противопехотных препятствий выследили и зарисовали командиры-разведчики. От долгого и непрестанного сидения в танке немели руки и ноги. Как ни тепло были они одеты, но мороз все же пронизывал до костей. Но надо было терпеть. Поежатся командиры, поводят плечами - - и снова за перископ.

Днем было мало заметно движения у врага, но к вечеру стали оживать землянки, блиндажи, стало заметно движение и в траншеях, и ходах сообщения. Группа белофиннов начала устанавливать станковые пулеметы в центральной траншее. Должно быть, на одни доты белофинны уже не надеялись и на всякий случай прикрывали передовой рубеж пулеметами, установленными в траншеях.

Котов передал цель на командный пункт, и вскоре командиры-разведчики увидели, как пулеметчики врага были сметены нашими снарядами. Откуда-то из-за высоты открыли огонь белофинские батареи. Разведчики приглядились к роще Фигурной. Там, в глубине, мелькали языки пламени. Котов снова передал цель на командный пункт, и туда посыпались наши снаряды. Батарея белофиннов замолчала.

В сумерках из леса вышла группа белофиннов, человек около двадцати, и, пригибаясь к земле, скрылась в центральном доте. Это, очевидно, подошла смена или подкрепление.

Когда стемнело, командиры-разведчики покинули танк. Они принесли с собой схему расположения огневых точек противника, точные данные о расположении траншей, ходов сообщения, землянок и блиндажей, а также огневых позиций артиллерии в глубине укрепленного района.

Так, не щадя своей жизни, рискуя ежеминутно попасть в ловушку, под дуло вражеского пулемета или под огонь дотов и дзотов, разведали красные бойцы грозные укрепления линии Маннергейма.

В то время, когда героические разведчики делали свое большое сложное дело, оперативные сводки штаба Ленинградского военного округа повторяли одну и ту же фразу: „На фронте не произошло ничего существенного, продолжались поиски разведчиков". Но за этими скупыми, скромными словами таился величайший героизм советских людей.

3. Слово сапера. Укрепления врага

(По материалам командира саперного батальона кавалера орденоносца А. Н. Грабового)

Вот как были технически оснащены укрепления врага, стоявшего на пути 123-й ордена Ленина дивизии.

Через высоту 54,4, в трех километрах от высоты 65,5, проходило боевое охранение линии Маннергейма. Оно состояло из противотанкового рва, проволочного заграждения в четыре ряда кольев и дерево-земляных блиндажей, соединенных между собой траншеями. Блиндажи были расположены в двадцати восьмидесяти метрах друг от друга, каждый блиндаж имел от одного до четырех пулеметов. В траншеях за броневыми щитами, в пяти метрах друг от друга, располагались стрелки-автоматчики. Блиндажи и траншеи были тщательно замаскированы.

Сбив боевое охранение, дивизия вслед затем должна была прорвать укрепленную полосу на фронте примерно в три километра — от озера Сумма-ярви до рощи Молоток включительно.

Этот участок представлял собой узел сопротивления, состоявший из трех опорных пунктов — высота Язык, высота 65,5 и восточная часть рощи Молоток. Узел сопротивления запирал межозерное дефиле — единственное место, где войска могли пройти в этом направлении, в то время как с запада сам он был прикрыт озером Сумма-ярви, а с востока незамерзающим болотом Мунасуо.

Каждый опорный пункт состоял из железобетонных огневых точек и дерево-земляных огневых точек, соеди-

ненных между собой траншеями, в которых располагались за бронещитками стрелки, а через каждые пятнадцать-двадцать метров — пулемет. Шли траншеи в тыл, к землянкам и блиндажам, в которых укрывались белофинны от нашего артиллерийского огня. С фронта узел сопротивления был прикрыт системой противотанковых и противопехотных заграждений.

Высота Язык, получившая название за свою форму, была длиной в километр, а шириной всего сорок — шестьдесят метров. С трех сторон ее окружало болото.

В северной части высоты был расположен дот 0011. Это большая подземная крепость длиной в шестьдесят метров, шириной в десять. Железобетонные стены ее имели толщину до полутора метров. Дот пересекал высоту поперек, и из него белофинны вели обстрел вдоль фронта на восток и на запад. Вооружение его — два противотанковых орудия и четыре пулемета. За стенами дота, под специальным навесом, укрывалось 75-миллиметровое орудие. Для наблюдения дот имел три броневых купола, диаметром около полутора метров, из брони толщиной в восемнадцать сантиметров. Над железобетоном была надсыпка до семи метров камня с землей.

С флангов болото делало высоту неприступной, а с фронта она пересекалась четырьмя линиями траншей, связанных между собой телефоном, четырьмя линиями каменных надолб, эскарпом, противотанковым рвом и проволочными заграждениями в двенадцать рядов кольев. Участки траншей, не имевшие перекрытий, маскировались металлической сеткой и другим маскировочным материалом. Все заграждения были усилены минированием.

Опорный пункт № 2 — высота 65,5 — состоял из дотов 006 и 008, дзотов 02 и 05. Дот 006, или центральный дот, как его мы называли, состоял из двух казематов, на два станковых пулемета каждый. Толщина стен здесь доходила до полутора метров железобетона. Потолочные перекрытия состояли из двух броневых сбольченных плит, в семь с половиной сантиметров толщины каждая. Лобовая стена была

из шести броневых сбольченных плит (пять плит толщиной по семь с половиной сантиметров каждая, шестая — в два сантиметра). Узкие, в 3 × 25 сантиметров, амбразуры были мало заметны.

Казематы соединялись подземным бетонированным ходом, в котором располагались подсобные помещения и помещение для отдыха гарнизона.

Центральный дот был прикрыт четырьмя рядами надолб вкруговую, а с фронта — проволочными заграждениями в семь рядов низких металлических кольев, надолбами в двенадцать рядов, усиленных двенадцатью рядами проволочных заграждений; затем шли еще двадцать рядов проволочных заграждений на низких кольях и три ряда на высоких. Все эти заграждения были минированы.

Дот 008 — железобетонный, на два станковых пулемета, расположенный правее центрального дота, — с запада и востока прикрывался дзотами. Эти дзоты имели от одного до четырех станковых пулеметов. Дзоты также были искусно замаскированы. Все они имели перекрытия из двух-трех рядов бревен с надсыпкой до полутора метров камня, что делало их неуязвимыми даже для 152-миллиметровой артиллерии.

Опорный пункт № 3 — восточная часть рощи Молоток — состоял из дотов 0018, 0021, дзотов 04, 06, 07, 08. С запада, юга и востока этот опорный пункт прикрыт был незамерзающим болотом Мунасуо.

Промежуток между первым и вторым опорными пунктами прикрывался дотами „А“ и „Б“; первый — на один, второй — на четыре станковых пулемета. Промежуток между опорными пунктами № 2 и № 3 прикрывался дзотом 03. Дзот 01 простреливал противотанковый ров.

Метров триста севернее дота 006 была расположена железобетонная стена высотой до двух метров. Общее протяжение стены по фронту — шестьдесят метров. Стена эта служила хорошим укрытием для минометных батарей и противотанковой артиллерии.

В роще Молоток был расположен железобетонный склад

боеприпасов, а севернее высоты 65,5, возле же от железобетонной стены, — бетонное убежище.

Для того чтобы разрушить железобетонное сооружение, требовалось прямое попадание снарядов калибром не менее 203—280 миллиметров. Дерево-земляные сооружения, защищенные каменной насыпкой, тоже требовали для своего разрушения снаряды калибром не менее 203 миллиметров. А благодаря малым размерам дзоты маскировались даже лучше железобетонных.

На двести пятьдесят метров траншеи имелось семнадцать пулеметных площадок, половина из них с перекрытиями от осколков снарядов.

Впереди траншеи располагались надолбы и проволочные заграждения. Весь узел сопротивления от озера Сумма-ярви до болота Муясуо был прикрыт системой заграждений, состоящих из пояса каменных надолб от четырех до двенадцати рядов.

По обе стороны надолб и между ними располагалась проволочная сеть на низких металлических кольях. Проволочная сеть на низких кольях имела от 15 до 40 рядов, расстояние между кольями — пятнадцать метров. В двадцати метрах, а в некоторых местах в ста метрах за этими заграждениями находилось проволочное заграждение на высоких кольях, за ним метрах в пятидесяти — ста пятидесяти траншеи и доты, а далее в глубину — противотанковые рвы.

Система заграждений противника была усилена минами и фугасами. Только в одном районе прорыва мы нашли их потом около пяти тысяч штук.

Доты своим огнем прикрывали траншеи по всему фронту узла сопротивления и простреливали заграждения. Дзоты дополняли огонь дотов и прикрывали подступы к ним. Стрелки-автоматчики и пулеметчики в траншеях были расположены так, что могли создать сплошную завесу огня.

Система огня и заграждения делала таким образом главную линию сопротивления действительно неприступной: вдоль всего фронта не было ни одного метра, на который каждую минуту не попадало бы в среднем пяти-десяти пуль.

А минометы и артиллерия противника до такой степени усиливали мощность огня, что не только вражеские железобетонные крепости, но даже и все подступы к ним были прикрыты огнем прочно и надежно.

Судя по оборудованию жилых помещений в дотах, белофинны собирались оставаться в них долго. Тут были кухни с разнообразной кухонной утварью, комфортабельная обстановка для офицеров, музыкальные инструменты, даже пианино. Вот что писал в конце января 1940 года об укреплениях линии Маннергейма бельгийский генерал Балу:

„Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии. На этом узком месте между двумя водными пространствами — Ладожским озером и Финским заливом — имеются непроходимые леса и громадные скалы. Из дерева и гранита, а где нужно и из бетона, построена знаменитая линия Маннергейма. Величайшую крепость придают линии Маннергейма, спаянные в граните противотанковые препятствия. Даже 25-тонные танки не могут их преодолеть. В граните финны, при помощи взрывов, образовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые сильные бомбы. Там, где нехватало гранита, финны не пожалели бетона".

Вот почему белофинны в первое время чувствовали себя так уверенно, когда части Красной армии вплотную подошли к линии Маннергейма.

4. Подготовка к штурму линии Маннергейма

(По рассказу помощника начальника штаба II батальона А. П. Вдовина, младшего лейтенанта-орденоносца)

В конце декабря в полк прибыли новые командиры: майор И. П. Рослый, капитан А. Т. Сорока и капитан И. Я. Кравченко. Майор Рослый принял командование полком, капитан Сорока стал командиром второго батальона, капитан Кравченко — третьего. Это были замечательные

командиры-большевики, настоящие мастера военного дела, прекрасные тактики.

Новый командир полка приказал немедленно возвести землянки с прочными на них накатами из дерева и земли, неуязвимыми для артиллерийского и минометного огня. Уже на третий день люди спали в тепле. Морозы стали не страшны. В оставленной финнами траншее в роще Зуб был оборудован полковой клуб. Это была просторная, человек на полтораста, землянка, хорошо отепленная печкой и отлично благоустроенная. Здесь бойцы читали газеты, слушали доклады и лекции, смотрели кино. Частенько фильм сопровождала грохочущая музыка боя.

Вынужденная остановка перед вражескими крепостями тяготила. Почти ежедневно можно было наблюдать, как бойцы, укрывшись в снегу у землянок или командных пунктов батальонов, несмотря на жгучий мороз, подолгу лежали на одном месте, сосредоточенно разглядывая обнаженные артиллеристами доты и дзоты. Издали вражеские крепости казались небольшими; амбразуры в стальных плитах можно было разглядеть лишь в бинокль или перископ. Бойцы знали, что эти небольшие железобетонные крепости могли залить все подступы к укрепленному району сплошной лавиной огня. Ни одна армия в мире не прорывала еще такой, взятой в бетон и сталь, оснащенной по последнему слову военной техники линии обороны.

По приказу командующего фронтом, ныне заместителя народного комиссара обороны, товарища Тимошенко, во всех действующих частях Красной армии на Карельском перешейке началась подготовка к штурму и прорыву линии Маннергейма.

Серьезное и ответственное это было дело. Предстояло продумать каждую мелочь, добиться невиданного доселе и не применявшегося еще в боевой практике такого содружества и взаимодействия всех родов оружий, которое позволило бы осуществить разгром укрепленного района. Нужно было создать огневой вал — сложную систему артиллерийского огня, разрушающую вражеские укрепления,

уничтожающую живую силу противника и не дающую ему возможности закрепиться на каком-либо рубеже обороны. Стрелковые подразделения предполагалось бросить на штурм тотчас же, как только артиллеристы перенесут огонь с переднего края обороны вглубь укрепленного района: враг не успеет и выйти из своих потаенных казематов, как передний край обороны будет уже занят красными бойцами. Танки в этот момент прикроют действия стрелков, проложат дорогу вперед. В одних рядах с пехотой будут действовать артиллеристы-противотанкисты, минометчики и гранатометчики, а саперы блокируют и подорвут доты.

Все это и проделывали бойцы, командиры и политработники полка на специальных учениях, проводившихся на учебном поле километрах в трех от фронта. Здесь был построен макет укреплений противника. Пехотинцы, артиллеристы, танкисты, минометчики, саперы ковали здесь свое **боевое содружество.**

В то же время велась тщательная подготовка передовых огневых позиций артиллерии, минометов, пулеметов и стрелковых подразделений. Рылись окопы, все дальше и дальше в лощину переносились наблюдательные пункты. Саперы проложили в лощине глубокую траншею, подходившую вплоть до склонов высоты 65,5. Только шестьдесят метров отделяли теперь красных бойцов от железобетонных крепостей.

В конце января майор Рослый приказал саперам подвести под центральный дот 006 минную галерею. Только года, заливавшая галерею, приостановила работы саперов.

Блокировочные группы, созданные из бойцов и саперов для блокировки и подрыва дотов в день штурма, почти ежедневно подвозились на бронесанях, прицепленных к танкам, к переднему краю обороны белофиннов и проводили **здесь учения под обстрелом врага.**

В последних числах января учение по подготовке к штурму линии Маннергейма инспектировал командующий армией, командарм 2-го ранга, ныне генерал армии Мерецков. Учение проводил батальон капитана Сороки. Командующий внимательно следил за движениями подразделений, их сла-

ленностью в наступлении, проверял, четко ли знают бойцы и командиры поставленную перед ними боевую задачу, давал указания. Бойцы и командиры батальона продемонстрировали перед командующим прекрасную боевую выучку, умение владеть оружием, мастерски преодолевать все препятствия и громить врага в его недоступных гнездах.

Вскоре были подготовлены к штурму и все другие подразделения полка.

Но не одной только подготовкой к штурму жил полк в это время. Почти ежедневно происходили жестокие стычки с врагом. Мы не давали ему покоя. День за днем, методично долбили тяжелыми снарядами наши артиллеристы крепости врага. Прямое попадание тяжелого снаряда в железобетонную стену дота или в стальную плиту, вделанную в переднюю стенку крепости, вызывало резкий металлический звук необычайной силы, откалывались 40-сантиметровые стальные плиты и глыбы железобетона, срывались бронированные купола наблюдательных пунктов.

Активно действовала и наша авиация. Советские самолеты забрасывали вражеские укрепления тяжелыми бомбами.

Немало героических эпизодов было в эти дни. Командир одной из батарей Герой Советского Союза лейтенант Булавский, чтобы спасти жизнь своим бойцам, отдал свою жизнь. На высоте Язык, за разведанным уже мощным артиллерийским дотом, неожиданно заговорила какая-то другая, также хорошо укрепленная огневая точка. Увидеть ее можно было только с просеки, пристрелянной финнами. Ни танки, ни бойцы не могли пройти эту просеку. Как только на ней показывался боец или танк, в то же мгновение вся просека буквально заливалась огнем из пулеметов и пушек. А обойти эту просеку было невозможно. Она перерезала фронт на значительную глубину. Нужно было любой ценой заставить замолчать новый дот. Кому-то надо было выползти на просеку, оттуда разглядеть дот и направить на него огонь наших батарей. Выполнить это задание и взялся лейтенант Булавский.

Взяв с собой разведчика, Булавский подошел к краю про-

ски в том месте, где посреди просеки торчал пень. За этим пнем можно было продержаться несколько минут. На это и рассчитывал Булавский. Посадив радиста за толстое дерево сбоку просеки, Булавский выбросился по снегу к этому пню. Мгновенно пули выхватили клочья шерсти из его полушубка. Разрыв рукой снег и устроившись за пнем поудобнее, Булавский стал наблюдать за лотом. Пули свистели по просеке, взвихривали снег, срезали пень. Щепки мерзлого дерева осыпали смельчака. Хлапокрозно передавал радисту замеченную цель Булавский. Радист тотчас же передавал цель на огневую позицию батареи. И вот уже снаряды начали нащупывать вражескую крепость, вздымая около нее огромные столбы огня. А Булавский продолжал бесстрашно подводить снаряды к цели. Когда на крышу вражеского дота упал первый снаряд и резкий металлический звук пронесся в воздухе, Булавский крикнул:

— Точно! — и, словно устав, положил голову на правую руку, вздохнул и вытянулся, сраженный пулей.

Вспоминается милый, славный Федя Дудко. Кто в нашей стране не знал этого отважного танкиста! Он был лучшим водителем грозных боевых машин. На его примере учились мастерски владеть машинами сотни, тысячи танкистов.

Стоял ясный солнечный день, когда танки пошли в атаку на вражеские укрепления. Враг нащупал танки, и шквал артиллерийского огня обрушился на них. Танк, шедший справа от Дудко, неожиданно остановился — у него оказалась разорванной гусеница. Дудко, видя, что пулеметы врага взяли танк под сплошной обстрел, решил помочь товарищам. Он вылез из своего танка и, прижимаясь вплотную к взрыхленной снарядами земле, подполз к подбитому танку и быстро исправил гусеницу. Когда он возвращался обратно, вражеская пуля ударила ему в ногу. Командир танка лейтенант Савин приказал ему лезть в башню, решив, что Дудко не в силах вести танк.

— Нет, я ранен легко, — сказал Дудко и снова продолжал вести танк.

Долго длился этот упорный, жестокий бой. Сноза за-

стрял сосед, и снова вылез Дудко, чтобы исправить гусеницу. Неожиданно, совсем рядом, разорвался снаряд. Танкист упал. К нему поспешили на помощь товарищи. Надвигалась белофинская пехота. Обливаясь кровью, Дудко скомандовал товарищам:

— Вытащить из танка пулеметы, патроны! Бить врага в лоб.

Он сам залег за пулемет, и наседавший враг был остановлен. Спустилась ночь. Двенадцать яростных атак отбили героические танкисты. К утру Дудко впал в беспамятство. Друзья накрыли его полушубками.

Двадцать восемь осколков извлекли потом врачи из спины героя-танкиста.

Вспоминается мужественный артиллерист-противотанкист младший командир Иван Егоров. Когда были вырыты из земли боевые казематы центрального дота на высоте 65.5, Егоров попросил разрешения у майора Рослого заклепать амбразуры дота снарядами своей маленькой противотанковой пушки. Глубокой январской ночью он подтащил пушку близко к надолбам и замаскировал ее. Всего сто пятьдесят метров отделяло маленькое орудие от грозной вражеской крепости.

С рассветом Егоров точно установил прицел, и вот снаряды его орудия ударили по стальным плитам дота. Один из снарядов угодил прямо в амбразуру, и Егоров увидел, что амбразуру действительно заклепало. Дот прекратил огонь. Снаряд за снарядом посылал Егоров в амбразуры вражеской крепости и все заклепывал и заклепывал их.

Соседние доты, нащупав орудие смельчака, открыли по нему яростный огонь. Егоров, укрывая свою пушку в воронках, вырытых вражескими снарядами, продолжал свое дело. Осколок снаряда свалил Егорова, но, и раненый, он обстреливал дот, пока разорвавшийся близ орудия тяжелый снаряд не вывел пушки из строя.

Долго беспокоили нас финские снайперы. Все места, особенно те, по которым наши бойцы и командиры проходили на выдвинутые вперед наблюдательные пункты, были ими

основательно пристреляны. Одно такое место на подступах к роще Молоток мы называли „тропкой смерти". Не проходило дня, чтобы на этой тропке у камня кто-либо не был ранен или убит. А выследить вражеского снайпера нам долго не удавалось.

Бойцы Денисов и Ермолаев решили взять неуловимого врага хитростью. Срубив невысокую пушистую елку и натянув на нее маскировочный халат, они положили чучело на тропинку близ камня, сами же легли в сторонке. Две веревки тянулись от чучела к снайперам. Стоило потянуть за конец веревки, как чучело начинало шевелиться. Внимательно следили бойцы за опушкой леса, откуда обычно начинал свою работу белофинн. Вот грянул выстрел, взвизгнула пуля. Ермолаев потянул за веревку, чучело зашевелилось. Снова выстрел, и товарищи почти одновременно заметили притаившегося за стволом ели белофинского снайпера. Еще два выстрела прозвучали в роще. Но это были выстрелы наших снайперов. С этого времени уже ни один белофинн не появлялся больше на опушке леса.

В конце января в полк прибыли стрелки-снайперы из Донбасса. Это были отличные ребята. Вооружившись винтовками с оптическими приборами и стальными щитами, они располагались в таких местах, где противник не мог их ожидать.

Зоркими стали глаза и у наших наблюдателей. Боец Федоров, наблюдатель второго батальона, за полтораста метров от себя обнаружил огневую позицию станкового пулемета по небольшой пуговке маскировочного халата, а снайперы вывели расчет пулемета из строя. Белофинны с этого времени уже не смели появляться днем в окопах и траншеях, расположенных близ дотов.

В первых числах февраля одна из рот батальона Кравченко получила приказ разведать боем, в каких укреплениях противника еще не нарушена система огня. В одиннадцать часов рота пошла в наступление. Капитан Кравченко следил с наблюдательного пункта за наступающей ротой. Белофинны открыли яростный артиллерийский огонь. У подоб

упал командир роты Степанов. Бойцы залегли. Тогда Кравченко решил сам повести роту в бой.

Пробравшись ползком к роте, он выдвинулся к передовому подразделению и, увлекая бойцов за собой, смело выбросился вперед. Дот облил смельчаковливнем свинца. В то же время их отрезал от роты заградительный огонь артиллерии белофиннов. Красные бойцы укрылись в глубокой воронке в десяти метрах от дота. Их было всего десять человек. Белофинны решили захватить смельчаков живьем, вылезли из дота и поползли к воронке. Кравченко заранее установил пулеметы именно в этом направлении и, когда белофинны приблизились, ударил по ним. Белофинны скрылись в доте. До вечера они сделали еще не одну попытку взять в плен горсточку красных воинов, но это им не удалось. Наши гранаты всякий раз уничтожали врага.

К воронке тянулся провод — его протянул за собой связист Герой Советского Союза, младший командир Виноградов. Связист передал на командный пункт обстановку. Но выручить бойцов оказалось делом трудным. Вся линия обороны врага была приведена в действие. Не могли к доту подойти и танки. Не могли помочь и артиллеристы. Белофинны держали всю долину под перекрестным огнем.

Наступила морозная, жестокая ночь. У лежавших неподвижно в воронке людей коченели руки, ноги.

Живыми в плен не сдаваться! сказал капитан Кравченко.

Бойцы поклялись умереть, но не сдаваться. Лежали с гранатами в руках. Артиллерийский обстрел надолго не прекращался ни на минуту.

Настало утро. Бойцы согревали друг друга своими телами. Потеряв надежду взять в плен красных бойцов, белофинны открыли огонь из минометов. Мины рвались у края воронки, засыпали людей снегом и землей. Одна из мин порвала провод, и связь восстановить было невозможно.

Медленно, очень медленно тянулся второй день. Когда минометный обстрел прекратился, Кравченко сделал попытку выбраться из воронки, но пулеметные очереди из дота

заставили его тотчас же укрыться. Люди мерзли. Донимал и голод. Оставалось всего шесть гранат да неполные ленты в пулеметах. Враг пресекал всякую попытку выбраться из воронки. Стоило немного приподняться, как рой пуль пролетал над головой. Подошла вторая ночь. Один из бойцов обморозил руки, их стали оттирать снегом. У другого побелели щеки, у третьего — нос. Клонило ко сну, но заснуть означало погибнуть.

И еще один день пролежали бойцы. Наступила третья ночь. Больше ждать было нельзя.

— Двигайтесь за мной по-одному! — приказал шопотом Кравченко и первый выбрался из воронки. За ним двинулись и другие. У надолб Кравченко пересчитал товарищей — недоставало одного. Вернулся к воронке, потащил тяжело раненного бойца за собой.

Через несколько часов, обмороженные, почерневшие, усталые до изнеможения, они добрались до наблюдательного пункта, и здесь силы оставили их. Санитары отнесли героев на медицинский пункт.

Эти отдельные героические эпизоды трогали, волновали людей. Все чаще и чаще подступали теперь бойцы к своим командирам, спрашивая, когда же, наконец, будет штурм.

Дни штурма были не за горами.

5. Приказ получен. Ночь перед штурмом

(По рассказу В. В. Шеронова, начальника инженерной службы полка, младшего лейтенанта-орденоносца).

В небольшой землянке майора Рослого было тепло. Люди сидели в гимнастерках, без шапок. В уголку топилась небольшая печурка. Майор Рослый брился. В землянку неожиданно вошел комиссар дивизии. Все встали, приветствуя старшего товарища.

— Я к вам с долгожданной весточкой, — сказал он. Высшее командование отдало приказ о наступлении.

— Когда? — почти в один голос спросили мы.

— Завтра, одиннадцатого февраля.

Командный пункт сразу оживился. Прибыли командиры батальонов, начальники служб, танкисты, артиллеристы, минометчики, саперы. Среди собравшихся выделялись знакомые фигуры капитана Сороки, майора Степанова, старшего лейтенанта Хараборкина, капитана Грабового. На небольшом столике в углу была разложена карта укрепрайона, и карандаш майора Рослого уже чертил на ней какие-то знаки. Предстояло уточнить каждую деталь, составить ясный, конкретный план атаки. Надо было также проработать и сигналы взаимодействия.

— Майор Степанов,—сказал майор Рослый,—вам завтра придется поработать крепко. Ставится огневой вал. Все ли в порядке в дивизионах?

— Все в порядке, ответил майор Степанов, за моих ребят не беспокойся, Иван Павлович!

— А как танкисты?—спросил Рослый старшего лейтенанта Хараборкина.

— Все в порядке!—так же, как и майор Степанов, ответил Хараборкин.—Только бы пехота не отставала, Иван Павлович!

— Пехота не отстанет,—внушительно сказал капитан Сорока.

— Не отстанут и саперы,—подтвердил капитан Грабовой.

Ни одна мелочь, даже, казалось бы, самая пустяковая, не была упущена на этом совещании перед решительным боем. Особенно основательно проработали командиры вопросы взаимодействия пехоты с артиллерией и танками и использования всех огневых средств.

Старший лейтенант Хараборкин предложил снабдить младших командиров маленькими синими флажками. Когда танки ринутся в бой, младшие командиры стрелковых подразделений, вырвавшихся далеко вперед, выбросят эти флажки перед собой, и танкисты уже будут знать, что впереди наших бойцов нет и они могут открывать огонь. Могло случиться, что в бою красные бойцы перемешаются с врагами и

вторым эшелоном трудно будет отличить белофинна от красноармейца, так как и тот и другой будут в халатах. Было решено, что правый рукав халата красноармейцы несколько засучат.

Когда план штурма был полностью разработан, майор Рослый взволнованно поднялся с места:

— За нашими действиями будут наблюдать завтра товарищи Сталин, Жданов и Тимошенко. Вперед, только вперед!

— Умрем, но не отступим!—твердо сказали командиры.

Командиры разошлись по своим подразделениям. Весть о наступлении облетела землянки. В отделениях, взводах, ротах проходили митинги. Бойцы осматривали, проверяли боевое оружие, чистили его, надежнее закрепляли на лыжах бронированные защитные щитки. Саперы стали грузить на лодочки-волокуши ящики со взрывчатым веществом. Танкисты проверяли свои машины. Всюду царило оживление, слышались бодрые, веселые голоса.

Наступила ночь. Началась подготовка исходных рубежей наступления. В лощину потянулись подводы с боеприпасами, минами, ящиками взрывчатки. Лес огласился тарахтением танков, подвозивших орудия. Под покровом темноты указывали командирам подразделений, в каком месте лощины залягут бойцы в ожидании сигналов в атаку. Всюду шла напряженная работа, уточнялись последние детали.

Шумно и тесно было в полковом клубе. Тут проходил общеполковой митинг. Бойцы, командиры и политработники давали родине клятву с честью выполнить великое задание советского народа — сломить сопротивление белофиннов и уничтожить их вместе с их железобетонными крепостями.

На трибуну поднялся сапер Филиппов. Все знали этого прекрасного, неустрашимого бойца. Он почти ежедневно бывал в жестоких потасовках, шинель, ватник и штаны на нем все были простреляны пулями. В подсумке Филиппов носил осколок снаряда, пробивший кожу ремня и застрявший в подкладке ватника.

— Восславим родную землю, товарищи! — сказал отважный сапер. Выполним слова великого Сталина, что нет

таких крепостей, которые они устоят перед нами, большевиками!

— Не отступим! Разгромим врага! Клянемся в этом великой клятвой красных воинов! - отвечали бойцы.

В одиннадцать часов бойцы поужинали, получили штурмовой паек. Был приказ отдохнуть, но никто не спал в эту ночь. В землянках слышались песни. Пели пехотинцы, саперы, артиллеристы, танкисты.

А в это время в восьми километрах от своего батальона, закончившего последнее приготовление к штурму, одиноко лежал в госпитале боевой комбат капитан Кравченко. Он уже знал, что штурм, прорыв укрепленного района врага назначен на завтра. Тоска охватила его. Он попросился у начальника госпиталя на волю, к своим людям, к своему батальону, чтобы вести его в решительный бой. Начальник госпиталя категорически отказал: обмороженные ноги еще не зажили, больной не может свободно ходить. Кравченко поднялся с койки, подошел к окну и тоскливо уставился вдаль. Как-то там без него? Все ли в порядке? Сможет ли его заместитель, молодой лейтенант, выполнить сложную боевую задачу в решительный день штурма? Это беспокоило его, и мысль о побеге окончательно утвердилась в нем. Ноги? „Ничего, послужат еще ноги! В горячке боли не заметишь, все пройдет, разом вылечишься“, - успокаивал себя Кравченко.

Он пошел было к двери, но его перехватили.

— Вы не уйдете, товарищ капитан! Лучше и не думайте об этом!—на этот раз строго сказал начальник госпиталя.

Усевшись на койку, комбат угрюмо опустил голову. Так просидел он часа три, мысленно развивая бой, врываясь в траншеи противника, подрывая хорошо укрепленные землянки и огневые точки врага, ставя на дот красное знамя. Нет, он не в силах сидеть здесь! Будь что будет, но он все равно уйдет!

Его опять перехватили.

Тогда он повалился на койку, укрылся одеялом.

С трудом дождавшись, чтобы начальник госпиталя ушел,

он поднялся, натянул валенки. Молоденькая лекпом-девушка принесла ему полушубок. Девушка без слов поняла его.

— Спасибо, родная! Век не забуду твоей услуги, — поблагодарил Кравченко.

Через минуту он был уже в сосняке, окружавшем госпиталь. Он знал здесь каждую тропинку, и ему не стоило труда отыскать в темноте ту, которая вела к передовым позициям. Нетерпение охватило его. Вдруг ему стало чудиться, что за ним гонится начальник госпиталя. Он побежал и — странно — в ногах больше не чувствовал боли.

На командный пункт своего батальона он прибежал часа в четыре ночи, когда батальон снимался на передовые позиции. Товарищи по фронту обняли любимого командира.

Погода к утру резко переменилась. Белая густая пелена тумана закрыла все: деревья, повозки, людей, боевые машины. Под прикрытием тумана бойцы двинулись на исходные рубежи, чтобы уже через несколько часов вписать в боевую историю Красной армии новые страницы боевой славы.

6. Огневой вал. Штурм. Красные знамена на дотах

(По рассказу наводчика второго батальона красноармейца орденоносца М. В. Федорова)

В 8.00 полк занял исходные боевые рубежи. В центре перед высотой 65,5 залег второй батальон под командованием капитана Сороки, слева за вторым — первый батальон и справа — на подступах к роще Молоток перед дотом 0018 — третий батальон.

Бойцы залегли в траншеях и окопах и за заснеженными броневыми щитками в трехстах метрах от вражеских крепостей. За ними расположились огневые позиции минометов и артиллерии. Еще дальше — танки. В роще Зуб, там, где мы впервые остановились два месяца назад, стали орудия полковой артиллерии.

Наблюдатели — впереди. Их отделяют от врага каких-нибудь сто пятьдесят метров. Еще немного — и наша грань шея вилотную подошла бы к надолбам, к проволочным заграждениям, к самим железобетонным серым квадратам крепостей. Наблюдателей на пункте шестеро: связисты, командир артиллерии, наблюдатели из минометного подразделения и наблюдатель второго батальона Федоров.

Начало светать. Укрепления тонули в белом морозном тумане. Туман клубился, ходил по низине волнами, слепил бойцов. В пяти шагах кругом ничего не было видно

К 9 часам туман начал редеть, таять; впереди мы уже различали надолбы, проволоку, гребни траншей. Вот выступили из тумана и серые квадраты крепостей с черными зевами амбразур, на передних, из бронированной стали, стенах. Показалось солнце, и все кругом засверкало в ярком сиянии.

На наблюдательный пункт доставили таблицу условных сигналов артиллерийского огня: „Коля" — начало артподготовки, „Петя" — ложный перенос огня в различные сектора вражеского укрепленного района, „Таня" — огневой вал уходит с переднего края обороны — начало штурма.

Поверили часы: 9.35. До первых залпов артиллерии остались считанные минуты. Ложимся под навесы — мы слишком близко, нас могут поразить осколки. Смотрим на связистов, сердце в ожидании замирает. И вот один из связистов, обернувшись к нам, с трубкой у уха, бросает взволнованно:

— Коля!

Еще мгновение стояла тишина. Светило солнце, и голубело над нами небо. Потом, взвизгивая, разрывая воздух, наполняя его шипящим свистом, гулом, полетели в сторону врага через наши головы тысячи снарядов. И разом дрогнула земля, будто ее покачнули, сдвинули с места и она заходила толчками, стонущая, ревущая, извергающая камни, песок, глыбы гранита, обломки креплений из дерева и металла.

Потерялось солнце, потерялось голубое небо. Все про-

странство укрепленного района покрылось черной завесой земляной пыли, полнятой разрывами снарядов. И в этой черной завесе то и дело мелькали огневые вспышки разрывов, красные столбы огня, крутящиеся в вихре камни, подрубленные снарядами сосны.

Открыли огонь все орудия дивизии. Сотни снарядов попадали прямо в цель. Доты содрогались.

Канонада усиливалась. Не было ни одной клетки на территории укреплений врага, куда бы не падали тяжелые снаряды. Земля кругом вспахивалась на несколько метров в глубину.

Хотелось высунуть перископ, понаблюдать хотя бы минуту, хотя бы уголком глаза увидать эти могучие столбы разрывов, эту сплошную линию огня фронтом на два с лишним километра. Но этого сделать было нельзя: осколки с визгом пролетали над нашим окопом, ложились на навес, забрасывали нас землей.

Прошло полчаса. В гуле и грохоте разрывов мы еле расслышали выкрик телефониста:

— Петя!

Тотчас же снаряды стали ложиться дальше. Артиллеристы, дезориентируя противника, били то по заднему краю укрепленного района, то неожиданно переносили огонь на середину, то опять вдаль. Наблюдатель Федоров не вытерпел, выставил свой перескоп. Он увидел изрытую снарядами землю, словно по ней прошлись небывалые мощные тракторы с прицепленными к ним невиданных размеров плугами. Снегу нигде не было, а вывороченная из глубоких недр земля дымилась. Насыпи у глубокой траншеи начисто снесены, вывернуты бетонные площадки для станковых пулеметов и стрелков-автоматчиков, сорваны навесы, под которыми раньше отсиживались белофинны от нашего минометного огня. А дот? Как его потрепали наши снаряды! Снесены углы, развернуты стальные крепления, а на огромных бронированных плитах зияет большая дыра. С дота 0018 в роще Молоток снаряды сорвали крышу.

Не узнать теперь и самой рощи. На том месте, где еще

недавно стояли стройные сосны, торчали жалкие пни. Артиллеристы начисто снесли лес.

Густая темная пыль медленно оседает на землю. Снаряды все еще рвутся вдали. Внимательно следил Федоров за центральным дотом на высоте 65,5. Из-за дота ползут белофинны. Многие без шапок, в незастегнутых куртках. Должно быть, выползли умирать. Лучше, конечно, смерть на поле, чем эта адская пытка в гудящих, сотрясаемых снарядами железобетонных укрытиях. Белофинны ползут и ползут — их много. Федоров различает круглые шюцкоровские значки. Видит, двое устанавливают станковый пулемет, иные уже залегли и нацеливают на нас автоматы.

Наблюдатель хотел было передать цель нашим артиллеристам, но сделать это не успел.

С воем, грохотом, гулом поднялась опять в воздух земля по всему переднему краю обороны. В объективе перископа мелькнули летящая в столбе разрыва рука с автоматом и поднятый в воздух станковый пулемет. Белофинны заметались, забегали по траншее, многие выскочили на насыпь, побежали вглубь, но их всюду настигали наши снаряды. И опять со свистом и шипением стали пролетать над нашим окопом тяжелые осколки, и пришлось снова укрыться под навесом.

Наблюдателей подбросило — так вдруг качнулась земля. Вот когда по-настоящему заговорила артиллерия! Камни, песок, люди, деревья — все смешалось в сплошном черном вихре, клубящемся над землей, багрово озаряемом словно перебегающими с места на место огневыми разрывами снарядов всех калибров, от легкого противотанкового до тяжелого дальнобойного. Даже нам, сидевшим в ста пятидесяти метрах от разрывов снарядов, было тяжко от непрестанных толчков земли. Мы задыхались, нехватало воздуха.

Два с половиной часа продолжалась эта неистовая канонада.

Стрелки часов показывали без пяти двенадцать.

— Таня! — крикнул телефонист, и мы заняли наши боевые места на наблюдательном пункте.

„Таня"! Это означало — через пять минут огневой вал

увлек вглубь, и красные бойцы рванулся на штурм укрепленного района. Враг сокрушен, рассеян мощью нашего огня, но многие огневые точки все же могут ожить. Нацелить на них минометы, противотанковые пушки, во-время заметить скопление противника, предупредить об этом командование — боевое дело наблюдателей.

До переноса огневого вала осталось три минуты. Осколки все еще повизгивают, нельзя выдвинуть перископ. А вдруг его разобьют, и тогда наблюдатели не выполнят своей боевой задачи. А по лощине уже двигались защитные броневые щитки. Это шестая рота, под командованием лейтенанта Манькова, оставила свои исходные позиции. Снег оседает под лыжами, в амбразурах щитков винтовки, пулеметы. Все ближе и ближе подвигаются щитки. Вот они уже на уровне наблюдательного пункта. Сто пятьдесят метров до крепостей врага!

Горячее, непреоборимое желание ползти вперед в цепях пехоты овладевает наблюдателями, но они вспоминают приказ комбата Сороки: спокойствие и выдержка, и усаживаются за перископ.

Теперь до начала штурма осталась всего одна минута. Одна минута! Какой длинной показалась она нам в этот незабываемый день. Над головой несутся снаряды, повизгивают осколки, все так же стонет, ревет воздух, и все перед нами озаряется багровыми вспышками разрывов. Гудят щитки, в них бьются осколки. Бойцы залегли, ожидая сигнала.

Сотрясая землю своей тяжестью к нашему наблюдательному пункту подошли наземные броненосцы роты Героя Советского Союза старшего лейтенанта Хараборкина. Тогда командир шестой роты Маньков выбросил перед танками синие флажки. Вспышки разрывов снарядов вдруг переметнулись за высоту, в глубину укрепленного района, и в то же мгновение телефонист закричал срывающимся от радостного волнения голосом:

— Атака! Атака! Атака!

Штурм начался.

Первыми рванулись на бруствер танки. Миновав надолбы,

грозные машины на мгновение задержались перед рвом, нырнули в него и, подминая гусеницами изрытую снарядами землю, с грохотом вырвались из рва. Вот уже танки у железобетонных вражеских крепостей. Задача для танкистов ясна: не допустить подхода резервов противника к высоте 65,5 из глубины укрепленного района. За крепостями траншеи, глубокие ходы сообщения. В них уже закрепляются с пулеметами и автоматами белофинны. Танки спешат туда. Путь им преграждают надолбы — второй пояс гранитных валунов, охватывающих высоту с севера. В нем проходов нет. Старший лейтенант Хараборкин смело ведет машину к валунам. Многотонные, величиной с избу танки взбираются на надолбы, гранит хрустит, колеблется, оседает под ними, и вот танки уже в расположении траншей и ходов сообщения противника.

Ливень свинца полощет по башням, по толстым бронированным стенкам машин. Жерла танковых пушек изрыгают полоски огня. Командир одного из танков младший лейтенант Кирейчиков заметил близ своей машины замаскированный станковый пулемет врага. Кирейчиков повел машину прямо на белофиннов.

С дороги по танкам ударила пушка. Ее обнаружил экипаж танка лейтенанта Коробко. Пушка разлетелась в столбах разрывов снарядов, ловко пущенных танкистами.

Но все больше и больше белофиннов накапливалось в траншеях и ходах сообщения. Противник делал отчаянную попытку прорваться к высоте 65,5 на помощь осажденным дотам. Под гусеницы танков полетели связки гранат, заговорила тяжелая артиллерия противника, расположенная где-то за рощей Фигурной. Открыли огонь и железобетонные крепости второй полосы укрепленного района. Над землей взметывались огромные столбы дыма и огня, но танкисты расстреливали наседавшего врага в упор с коротких дистанций и давили его гусеницами своих машин.

В то время, когда танки прикрыли подступы к высоте со стороны врага, бойцы шестой роты второго батальона штурмовали железобетонные крепости белофиннов.

Не отрываясь, следил наблюдатель Федоров за границей у самого дота, прощупывал воронки на взрыхленном поле, все места, где мог обосноваться противник. Он заметил, как открылась амбразура центрального дота 006, как снова белофинны выползли из туннеля, соединившего оба каземата дота. Заметил он и двух пулеметчиков, обосновавшихся на пути наступления четвертой роты. Телефонист передает цель минометчикам. **Через минуту пулеметы смолкают.**

Все внимание сосредоточил теперь Федоров на границе у центрального дота. Бойцы шестой роты уже у надолбов. За надолбами нет снега — голая, взрытая снарядами земля. Двигаться со щитками нельзя. Бойцы передового второго взвода оставляют щитки, бросаются вперед. Пулеметные очереди из дота прижимают их к земле. Подняться невозможно — земля перед бойцами взбугривается пулями, переливается рябью, как вода под набежавшим внезапно ветром.

Вперед вырывается со своим третьим взводом младший командир С. П. Румянцев. Воспользовавшись тем, что пулеметы врага бьют по второму взводу, он молниеносно перебрасывает свой взвод в первую траншею противника. Но тут неожиданно по третьему взводу застрочили пулеметы, поставленные в траншее справа, почти у самого дота.

Схватка вот-вот пойдет врукопашную.

И она началась. Белофинны стали забрасывать нас гранатами. Но... выдержка и спокойствие! так учил бойцов капитан А. М. Сорока. Финские же гранаты полетели в траншею к финнам, там и рвались. Замолчали пулеметы справа. Только проклятая амбразура самого дота изверглась **лавину свинца.**

Приказав второму, третьему и четвертому отделениям взвода открыть по амбразуре пулеметный и ружейный огонь, Румянцев с отделением младшего командира Пушкова выбрался из траншеи и, прижимаясь к земле, используя воронки от снарядов, пополз к железобетонной крепости.

Снова ожили пулеметы в траншее справа дота, и снова замолчали под гранатами Румянцева. Вот уже всего несколько шагов отделяют героическую шестерку от дота, вот уже

Румянцев под амбразурой железобетонной крепости, и рука его с пистолетом тянется вверх, к амбразуре.

Румянцев сообразил, что обстрелять пулеметчиков в доте можно только с нижнего края амбразуры, подними он руку чуть выше — ее раздробит свинец вражеских пулеметчиков. И, слегка высунув пистолет на край амбразуры, Румянцев открыл огонь. Ошарашенный враг закрыл бойницы. Именно этого и добивался Румянцев. Минута — и амбразура дота забита мешками с песком.

В ту же минуту над дотом взвилось красное знамя с портретом товарища Сталина — символ разгрома твердыни врага. Водрузил его боец-герой Федор Петрович Жуков.

— За родину! За Сталина. Вперед! крикнул Жуков, и все подразделения полка, воодушевленные успехом, с именем родного Сталина на устах, ринулись в атаку.

Враг занял вторую линию траншей. Всюду оживали его огневые точки. Застрочили из рощи Фигурной автоматы кукушек. Зашипели вражеские мины. По хитроумным ходам сообщения к передовой линии обороны вражеская пехота. Но уже ничто не могло остановить сокрушительного натиска красных бойцов. Секлись проволочные заграждения, траншеи забрасывались гранатами, вместе с пехотой работали отлично и артиллеристы, подавляя огневые точки врага, прочесывая лес шрапнелью, ударяя с прямой наводки по вражеским землянкам. Отлично работали и танкисты, поднимая танки на дыбы перед амбразурами дотов, прикрывая действия передовых стрелковых подразделений. Всюду гремел боевой клич:

— За Родину! За Сталина! Вперед!

Высота 65,5 была взята. Оба боевых каземата были блокированы, второй батальон дрался уже в глубине укрепленного района.

Взвилось красное знамя и на развалинах дота 0018. Его поставили бойцы из подразделения лейтенанта И. Хватова. Кроме этого дота, третий батальон блокировал еще две железобетонных крепости и теперь выбивал белофиннов из рощи Молоток.

Красное знамя было водружено и на железобетонном артиллерийском сооружении 60-метровой крепости — доте 0011. Взята штурмом высота Язык. Первая линия укрепленного района прорвана на всем протяжении.

— Да здравствует социалистическая Родина! Да здравствует товарищ Сталин!

Могучее победное „ура“ широко разносится над обагренным пожаром полем сражения.

2. Отважные саперы в день штурма. Подрыв вражеских железобетонных крепостей

(По рассказу комиссара саперного батальона — политрука-орденоносца П. А. Шабанова)

В день штурма линии Маннергейма к батальону капитана Сороки были приданы две группы саперов нашего батальона — группа младшего лейтенанта Макарова и группа лейтенанта Афонина. Саперы продвигались вместе с пехотой. Они тащили за плечами и тянули за собой на лодочках ящики со взрывчатым веществом. Тяжелый груз (вес ящика — 50 килограммов) прижимал их к земле, сковывал движения, лодочки часто застревали на низких металлических кольях малозаметных препятствий и путались в обрывках колючей проволоки. Мороз стоял сорокаградусный, но по лицам саперов струился пот.

Когда огневой вал ушел вглубь укрепленного района, а танки и пехота сделали решающий, молниеносный рывок вперед, саперы, естественно, немного отстали со своим тяжелым грузом. Над дотом 006 взвилось красное знамя. И вот тут-то, словно из-под земли, выросла перед саперами знакомая фигура комбата Сороки.

— За вами теперь слово, товарищи! Вперед! Снести с лица земли вражеские крепости! — приказал Сорока.

Не обращая внимания на жестокий обстрел, саперы поднялись и стремительно побежали к дотам.

Группа Макарова получила задание подорвать правый каземат дота 006, стоявший близ дороги. Этот каземат не был еще блокирован. Командир пулеметного взвода лейтенант Виноградов установил в надолбах пулеметы и открыл огонь прямо по амбразуре. Под прикрытием пулеметного огня вперед выбросились младший командир Панфилов и саперы Лобанов и Филиппов. Вскоре они достигли дота, подняли с земли лежавшие возле дота мешки с песком и подали знак Виноградову прекратить огонь. Когда смолкли наши пулеметы, смельчаки рывком подскочили к амбразуре и забили ее. Белофинны попытались вытолкнуть мешки, но это им не удалось.

Тотчас же подоспели и саперы всей группы. Командир группы Макаров приказал укладывать ящики со взрывчатым веществом с тыльной стороны дота. Закипела горячая работа. Саперы подносили ящик за ящиком. Откуда-то издалека по ним ударили вражеские пулеметы. Виноградову удалось обнаружить врага. Через минуту на позиции вражеских пулеметов уже полетели наши мины, а Виноградов снял с дерева двух автоматчиков-белофиннов. Саперы снова взялись за дело. Но тут враг открыл по ним артиллерийский огонь. Один из снарядов разорвался близ пулеметчиков. Вторым разрывом снаряда отбросило в сторону двух саперов, подтаскивавших к доту лодочку со взрывчатым веществом. Третий снаряд упал возле танка, за которым укрывались остальные саперы, и тут ранило командира группы младшего лейтенанта Макарова.

— Подорвем дот, чего бы нам это ни стоило! За дело! — сказал раненый Макаров и пополз из-за танка к доту. За ним поползли и другие саперы.

Снаряды все еще рвались близ дота, но, увлекаемые раненым командиром, саперы действовали смело и отважно. Вдоль стенки дота рядами выстроились ящики со взрывчаткой. Девятьсот килограммов тола заложили саперы под дот, ящики соединили между собой детонирующим шнуром, вставили и зажигательные трубки.

Подбежал посыльный капитана Сороки, красноармеец

Носов, спросил: готов ли дот к подрыву? Минут через пять у дота был уже сам Сорока. Внимательно оглядев соединение детонирующим шнуром ящиков, комбат приказал:

Взрывайте!

Район взрыва был очищен от людей. Саперы укрылись в финской траншее, метрах в восьмидесяти от дота. У крепости остались только младшие командиры Захаров и Алхазашвили. Им надлежало поджечь зажигательные трубки. Раненый Макаров, увидев, что никого уже больше из наших бойцов нет близ дота, махнул им рукой. Сверкнул огонек, задымились зажигательные трубки. Захаров и Алхазашвили стремительно бросились от дота к тому месту, где укрывались в траншее саперы.

Обломки дота могли долететь сюда, но саперы, высунувшись из траншеи, смотрели, как догорали зажигательные трубки. Несколько мгновений — и вдруг от дота отделилась его стальная крыша, и в то же мгновение все закрыл огромный черный столб дыма, высоко взметнувшийся в небо. От страшного грохота дрогнула земля. Мощной волной воздуха людей сбросило в траншею. На землю с грохотом падали многотонные глыбы железобетона. Прошел добрый десяток минут, прежде чем разрушенный дот перестал грохотать; саперы стремительно понеслись к нему. Из развороченных стен торчали толстые стальные прутья креплений. Поднялись на обломки, и кто-то сказал:

— Один есть!

Второй каземат дота 006 подрывала группа лейтенанта Афонина. Саперы и здесь уложили ящики с взрывчаткой с тыльной стороны дота и соединили их детонирующим шнуром. Но не утихавший ни на минуту бой близ этого каземата не давал возможности саперам подорвать его. Взрыв мог уничтожить красных бойцов, дравшихся ожесточенно с врагом на северных склонах высоты. Только в шесть часов вечера, когда белофинны были отброшены за железобетонную стену, над этим казематом поднялся такой же огромный столб черного дыма, и грохот опять сотрясал землю.

— Второй есть!

Вечерело. Поле сражения окрашивалось в мутно-багровый цвет. Запылали деревья в роще Молоток и в роще Фигурной. Дымилась земля. Грохотали пушки, минометы, не утихая трещали пулеметы. Белофинны подбрасывали резервы и пускали их в бой. Яростные атаки следовали одна за другой. Красные бойцы решительно сдерживали натиск врага, опрокидывали его и шаг за шагом все дальше и дальше продвигались вглубь вражеского укрепленного района.

Майор Рослый перенес свой командный пункт в развалины дота 006. Отсюда хорошо было видно поле сражения. Отважный майор сам подполз к передовым подразделениям, воодушевлял бойцов на новые подвиги.

Героически дрался в роще Молоток капитан Кравченко. Тут была такая густая сеть траншей, ходов сообщения, землянок и блиндажей, что препятствия возникали на каждом шагу. Землянки и блиндажи приходилось брать приступами, подрывать их или расстреливать в упор из противотанковых орудий.

Часам к двенадцати ночи роща Молоток была очищена от врага.

Усталый, находившийся весь день под обстрелом, с честью выполнив боевую задачу, поставленную перед батальоном, Кравченко доложил об успехах майору Рослому

Между ними произошел такой разговор:

— Кто звонит? — спросил майор Рослый.

— Капитан Кравченко, — ответил боевой комбат.

— Как Кравченко? Кравченко в госпитале.

— Простите, товарищ командир полка, что я не доложил вам утром о своем приходе, а связываюсь с вами днем — приказывал начальнику штаба молчать, что я здесь. Я боялся, что вы вернете меня обратно в госпиталь. Горячее дело, товарищ майор, не мог там улежать... Докладываю: роща Молоток занята моими бойцами, полностью очищена от врага, блокированы доты 0018, 0021, четыре дзота, пять землянок и железобетонный склад с боеприпасами.

Спасибо! Передайте бойцам, командирам и полит-

рабочий батальон мое горячее благодарность. Закрепитесь на занятых рубежах! Ни шагу назад!

— Не сдадим. Будьте уверены, товарищ командир полка!

— Спасибо! — поблагодарил еще раз отважного комбата майор Рослый. Спросил: — Как здоровье?

— Чувствую себя прекрасно. Совсем поправился. Честное слово, бой для меня — лучший госпиталь.

Итак, высота 65,5 в наших руках, а крепости на ней, так долго томившие нас на подступах к ним, подорваны. Теперь оставалось подорвать самый мощный из дотов — дот 0011 на высоте Язык. Тут для саперов дело было куда сложнее и ответственнее. Дот — большой, шестьдесят метров в длину и десять метров в ширину. В нем пушки, пулеметы, минометы. Купола дота из прочной бронированной стали. Тяжелые снаряды сорвали один из куполов, пробили в двух местах потолочные перекрытия, на доте реяло красное знамя, поставленное красноармейцем Яковлевым, но дот все еще продолжал яростно огрызаться.

Капитан Грабовой бросил сюда четыре группы саперов, возглавляемых младшими лейтенантами Лекановым, Марковым, Ергиевым и лейтенантом Прудниковым. Еще до наступления темноты, смельчаки-саперы из группы младшего лейтенанта Леканова пробрались с ящиками тола на крышу дота. Дот гудел, трещали в нем пулеметы и время от времени раздавались тяжелые удары орудийных залпов.

— Сдавайтесь, или мы вас похороним в этой берлоге! крикнул в отверстие вентиляционной трубы младший лейтенант Леканов.

Офицеры-белофинны ответили руганью. Тогда саперы стали бросать в вентиляционные трубы, в прорубленные снарядами отверстия в крыше дота гранаты. Гулко рвались гранаты в подземельях дота, но особого вреда белофиннам они, видимо, не причиняли, так как дот продолжал обстрел.

Сапер Завьялов пробрался с тыльной стороны дота в траншею и подошел к широким стальным дверям крепости. В дверях зияла узкая амбразура. Завьялов стал разглядывать дот в амбразуру. Враг молчал. Тогда Завьялов решил

забросать дот гранатами через амбразуру. Но он не успел выполнить своего намерения — амбразура ощетинилась. Завьялов упал.

Сапер Мокров спрыгнул в траншею и стал пробираться на помощь раненому. Из амбразуры полились потоки свинца, подойти к доту было невозможно. К тому же двери дота вдруг стали тихо отходить назад — белофинны, очевидно, решили вырваться из блокированной крепости. Саперы пресекли эту попытку, а командир группы Лекаков решил замуровать врага в подземельях. На крышу дота, над дверьми, было уложено пять ящиков взрывчатки. Под гулким взрывом треснул дот, толстые стальные двери погнулись, и уже никто не был в силах открыть их.

Теперь предстояло подорвать эту мощную крепость. Для подрыва требовалось очень много тола. Если под небольшие казематы дота 006 группы Макарова и Афонина заложили всего по тысяче килограммов тола, то на подрыв этой громадной крепости надо было не менее трех с половиной тысяч килограммов. А под рукой было всего несколько десятков ящиков.

Среди отважных саперов, блокировавших дот, появился капитан Грабовой. Он распорядился перетащить сюда ящики со взрывчаткой из лощины. Саперы таскали на себе ящики с толом, в темноте спотыкаясь о кочки, об обрывки проволочных заграждений, падая в глубокие воронки от снарядов. Но час за часом на крепости выросла огромная клетка из ящиков. Часам к четырем ночи саперы уложили на дот три тысячи двести килограммов взрывчатки.

Момент взрыва навсегда останется в памяти у тех, кто был его очевидцем. Разрывая ночную мглу, из-под земли вдруг вырвалось громадное пламя, затем, застилая звездное небо, поднялся черный густой дым. Звук при этом был такой силы, что казалось - земля сдвинулась с места и летит куда-то в пространство. Сотрясение почвы чувствовалось на десятки километров от места взрыва. Высоко, под самое небо, взлетали глыбы железобетона, бронированные купола наблюдательных башен, стальные перекрытия ...

крепости. Многие из глыб относило метров на полтораста от дота. Пламя вырвалось из обломков крепости огромными языками, тяжелый грохот и гул не прекращались ни на минуту — рвались снаряды, мины, патроны, заготовленные белофиннами.

Когда взрывы прекратились, саперы на том месте, где стояла эта мощная артиллерийская вражеская крепость, нашли глубокую воронку метров в десять глубиной и торчащие из земли глыбы железобетона с оборванной арматурой. На пятьдесят метров кругом все почернело. Всюду валялись обломки дота и его боевого оснащения.

— Третий есть! — сказали саперы.

Вскоре был готов к подрыву и дот 0021, расположенный близ разрушенного артиллеристами дота 0018 в роще Молоток. Саперы уже хотели поджигать шнур, когда откуда-то из-под земли послышался стук.

— Минутку, товарищи! Шюцкоровцы на волю просятся, — остановил саперов младший лейтенант Кондратьев.

Вбежав в каземат дота, Кондратьев крикнул:

— Эй, где вы? Выходи!

Стук повторился. Стучали под полом. Зажгли фонарь, отыскали люк в подземелье, открыли бронированную крышку. Один за другим из подземелья стали вылезать белофинны. Седые, с трясущимися руками. Всего вылезло десять человек.

Пощадите! — сказал глуховатым, срывающимся голосом один из них.

То-то, пощадите! — ответили саперы. — Пощады сразу запросили. Ладно, постойдите-ка малость да поглядите, что мы делаем с вашими хваленными крепостями!

Белофиннов отвели в траншею, к укрывавшейся там группе саперов. И снова землю словно сдвинули с места, и она полетела куда-то в пространство.

Таким образом были подорваны все вражеские железобетонные крепости, расположенные на первой линии укрепленного района.

8. Второй день разгрома вражеского укрепленного района. Смерть Сороки. Есть прорыв

(По рассказу командира третьего взвода шестой роты младшего командира-орденоносца С. П. Румянцева)

Утро выдалось ясное, морозное, светлело небо. Тускнели пожарища в роще Молоток и в роще Фигурной. На высоту 65,5 за ночь подтянулись дивизионы артиллерийского полка. В подземной траншее, слабо освещенной свечами, майор Рослый снова собрал командный состав полка. Совещание на этот раз было коротким. Овладеть второй полосой вражеского укрепленного района, выбить противника из рощи Фигурной — вот какая задача стояла перед полком в этот день.

Когда рассвело, на командный пункт полка прибыл член Военного совета Ленинградского военного округа товарищ Штыков. Он рассказал, что об успехах нашего полка и всей дивизии доложено товарищу Сталину. Товарищ Сталин доволен достижениями.

Весть о том, что о наших боевых делах знает сам товарищ Сталин, быстро облетела все подразделения, и бойцы, командиры и политработники полка с невиданными до этого воодушевлением и энергией вступили в решительную схватку с врагом, всячески пытавшимся сдержать наше наступление и оборонявшим каждый метр территории второй полосы укрепленного района. В дело вступали новые искусно замаскированные доты и дзоты, все новые и новые подкрепления подходили к белофиннам. Подразделения трех полков (13-го и 18-го) и два особых батальона шюцкоровцев выставили белофинны против нас. Но они не выдержали нашего натиска и стали отходить.

Горячий, незатихавший бой продолжался весь день. Действия пехотных частей активно поддерживала и наша авиация. К вечеру мы вплотную подошли к роще Фигурной. Путь преградил глубокий противотанковый ров, хорошо защищенный дотами и дзотами, расположенными в сосняке. Ров

был семи метров в ширину, с высокой отвесной стенкой. Танки не могли преодолеть его. Лес мешал нашим действиям — из-за каждого дерева стреляли белофинны. Подразделения второго батальона залегли в воронках от снарядов близ рва.

В одной из воронок расположился командный пункт батальона. Тут были командир батальона капитан Сорока, комиссар батальона, младший лейтенант Вдовин, писарь Фомкин и посыльный Кузькин.

Пули свистели над головами командиров. Одна из пуль ударила в ствол лежавшего у воронки дерева. Капитан Сорока приказал всем залечь, а сам, осторожно высунувшись из воронки, стал разглядывать местность. В этот момент вражеская пуля сразила боевого командира. Кровь обагрила халат.

— Немедленно лодку! Отыскать во что бы то ни стало! — приказал комиссар.

Младший лейтенант Вдовин, писарь Фомкин и посыльный Кузькин под градом пуль выбросились из воронки и поползли в разных направлениях в поисках лодочки, чтобы отвезти на ней раненого на пункт первой помощи.

Но когда лодочка была найдена, Сорока был уже мертв.

Смерть капитана Сороки, одного из организаторов прорыва, любимого командира, руководителя и друга бойцов, глубоко потрясла всех.

Командование батальоном принял начальник штаба капитан Григорьев. На рассвете 13 февраля новый комбат приполз в расположение взвода младшего командира Румянцева.

— Товарищ младший командир, — сказал он Румянцеву, — все подразделения батальона дали клятву с честью продолжать дело, которым руководил капитан Сорока. Наш Сорока будет всюду с нами. Его имя будет нашим боевым знаменем. Сегодня мы принимаем последний бой и должны выбить врага из последних гнезд укрепленного района. Именно наш батальон должен расчистить путь красным войскам дальше, к станции Кямяря. По этому пути двинутся затем полки, дивизии, и ничто уже больше не остановит

грозного движения наших частей. Сегодня последний день прорыва.

– Взвод готов выполнить любое задание командования,— ответил Румянцев.

Новый комбат дал взводу задачу — прорваться через восточную часть рощи Молоток в южную окраину рощи Фигурной и парализовать действия вражеской артиллерии в то время, когда батальон ринется в последнюю атаку.

Это была нелегкая задача. Бойцы могли попасть в ловушку. Но они поклялись, что выполнят это ответственное задание во что бы то ни стало.

Под стрекот вражеских пуль они двинулись в восточную часть рощи Молоток. Они переползали от дерева к дереву, из воронки в воронку, прокладывали в снегу норы, так как враг видел их и крепко бил по ним из пулеметов. Но и наши отвечали крепко. Четыре станковых пулемета взвода работали непрерывно. Далеко в глубине рощи Молоток наши храбрецы схитрили: прекратив огонь, полежали немного, и один по одному, маскируясь тщательно, стали переползать в рощу Фигурную.

Таким образом им удалось проникнуть в тыл врага. Кругом – густая, нетронутая чаща леса. Ни тропы, ни дорожки. Продвигаясь по глубокому снегу вперед, они прислушивались к далеким звукам боя. С каждым шагом все отчетливее и отчетливее становились грохот орудий, лязг танков, дробная стукотня пулеметов. Вот блеснули перед ними среди деревьев длинные языки пламени — и красные бойцы у цели.

Румянцев отдал приказ рассредоточиться, охватить полукольцом вражеские батареи. Впереди за лесом сверкала поляна. На поляне горел наш танк. Бойцы видели, как танкисты отползли от него. Стоявшая недалеко противотанковая пушка белофиннов ударила по танкистам. Один из танкистов остался лежать на снегу.

— Перебить прислугу орудия! — приказал Румянцев пулеметчикам, лежавшим рядом.

Через две минуты противотанковая пушка врага была в наших руках. Но впереди было еще несколько орудий, и

уже не противотанковых, а тяжелых. Они били непрерывно, с лихорадочной поспешностью. Замечаем из-за деревьев, как белофинны суетятся у орудий.

Румянцеву удалось развернуть взвод, и бойцы открыли по расчетам орудий врага жестокий огонь. Один за другим, в панике разбегаясь от орудий, падали белофинны. Вскоре все орудия противника замолчали. Белофинны укрылись в большом дзоте, стоявшем впереди и сдерживавшем натиск нашего батальона со стороны противотанкового рва.

Взвод Румянцева первым блокировал железобетонный дот на высоте 65,5, первым водрузил красное знамя на крепости. Крепко дрались бойцы взвода при блокировке и других дотов. У них уже был опыт, и они решили блокировать и этот дзот, последнюю твердыню укрепленного района.

И они блокировали его. Они, не выпустив из него ни одного белофинна, заставили замолчать пушки врага, упрятанные за толстыми стенами из дерева и гранита, заложили амбразуры камнями, засыпали их землей.

А в это время бойцы батальона ворвались в противотанковый ров, смяли его последние огневые точки и, забрасывая врага гранатами, опрокинули его и погнали. Тут и бойцы взвода Румянцева присоединились к батальону.

Враг бежал. Мы настигали его и били. Героический Кравченко ударил по удиравшему врагу с фланга. На сверкающий снег в роще Фигурной падали белофинны.

Вот пройдены последние рубежи, вот и дорога на станцию Кямяря. Она свободна. Больше нас уже ничто не останавливало.

Есть прорыв!

И по дороге, проложенной через укрепленный район нашим батальоном, нашим полком, нашей славной 123-й дивизией, двинулись вперед грозные колонны воинов страны социализма.

Ответ. редактор *Н. Афанасьева.*
Подписано к печати 3|VIII-41 г.
М 74554. Тираж 20.000. СП — 50|Л. Печатных л. $1^{13}/_{16}$. Уч.-издат. листов 2,9. Заказ 4224
2-я тип. Трансжелдориздата.

80 коп.